

ПРОТОИЕРЕЙ ПЁТР СПИРИДОНОВИЧ ДЕЛИЦЫН (16.06.1795 – 30.11.1863) — ПЕРЕВОДЧИК И МАТЕМАТИК

Иеродиакон Иннокентий (Глазистов)

магистрант кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
dengla@gmail.com

Для цитирования: *Иннокентий (Глазистов), иерод.* Протоиерей Пётр Спиридонович Делицын (16.06.1795 – 30.11.1863) – переводчик и математик // *Метафраст.* 2019. Т. 1. № 1. С. 203–237 doi: 10.31802/2658-770X-2019-1-1-203-237

Аннотация

УДК 929 (281.93)

В настоящей статье рассматриваются жизнь и труды великого учёного XIX в., подвизавшегося в Московской духовной академии, — протоиерея Петра Спиридоновича Делицына, который внёс значительный вклад в перевод святоотеческих творений на русский язык. Особое внимание уделяется периоду учёбы прот. П. С. Делицына в МДА, рассматриваются особенности методики преподавания математики и философии в Академии. На основании воспоминаний профессоров, преподавателей и студентов МДА, описываются труды отца Петра, связанные с цензурой духовных книг, осуществлением и редактированием русских переводов сочинений святых отцов. В качестве приложения приводятся выдержки из исследования И. Н. Корсунского, посвящённого истории русских патристических переводов в МДА.

Ключевые слова: Московская духовная академия, протоиерей Пётр Делицын, русские переводы святых отцов, преподаватели МДА.

*Русь Святая! Читая творения Отцов,
поминай имя отца Петра, любителя Отцов!*
С. К. Смирнов¹

Когда человек впервые попадает в Троице-Сергиеву лавру, он поражается красоте увиденного: перед ним предстают, как на картине, величественные соборы (некоторым из них больше пятисот лет), расписанные древними фресками и уставленные старинными иконами. Одни лишь имена иконописцев внушают особое благоговение — прп. Андрей Рублёв, Дионисий Черный... Перед посетителем открывается удивительное многообразие различных цветов, превращающее аллеи Лавры в прекрасный сад. Но мало кто из посетивших Лавру впервые догадывается, что весь этот огромный монастырь является также и одним большим кладбищем, где под спудом покоятся кости многих поколений православных христиан, чья жизнь была связана тем или иным образом с этим святым местом. Одним из них является великий учёный своего времени, ведущий переводчик, преподаватель Московской духовной академии протоиерей Пётр Спиридонович Делицын. От его надгробья за алтарём Успенского собора в настоящее время ничего не осталось, и лишь архивные документы указывают нам место последнего упокоения этого великого человека.

Имя Петра Спиридоновича в наши дни незаслуженно забыто, однако именно ему наша Академия обязана физико-математическим кабинетом, а патрологическая наука — переводами святоотеческих творений. Именно благодаря его математическим занятиям появилось целое поколение преподавателей математики в семинариях и сельские учителя смогли получить достойные знания в этой науке. Благодаря его переводческой и редакционной работе вышло в свет более сорока переводов трудов святых отцов. В настоящей статье мы попытаемся восполнить пробел и вкратце рассказать о жизни этого замечательного человека. В качестве основного источника нами будут использованы записи воспоминаний С. К. Смирнова, изложенные в его некрологе, посвящённом протоиерею П. С. Делицыну², также мы будем обращаться к воспоминаниям других лиц.

- 1 У Троицы в Академии, 1814–1914 гг.: Юбилейный сборник исторических материалов. М., 1914. С. 112.
- 2 [Смирнов С. К.] Профессор Московской Духовной Академии, протоиерей Пётр Спиридонович Делицын: некролог. М., 1863.

Детство

Будущий великий учёный родился 16 июня в 1795 г. В России в этом году была основана первая общедоступная государственная библиотека. Она получила название Императорской публичной библиотеки и стала одним из крупнейших книгохранилищ мира.

Мальчик Петя (будущий протоиерей Пётр) родился в семье Спиридона Зарина, священника московской церкви Знамения Пресвятой Богородицы в Переяславской Ямской Слободе, которая в народе называлась церковью Иоанна Предтечи у Креста (эта церковь стоит до сих пор, и в советское время она также действовала и не закрывалась). Фамилию Делицын отец решил дать ему при записи в школу, «обозначая тем самым, что сын был утешением для отца и матери (от лат. *deliciae* — веселье, отрада, утеха)»³. В 1804 г. (в 9 лет) мальчик был принят в Славяно-греко-латинскую академию при ректоре протоиерее Матфее (Платонове), ставшем позднее епископом Нижегородским с именем в монашестве Моисей. Остаётся непонятным, как могло случиться, что девятилетний ребёнок был взят в Славяно-греко-латинскую академию. Дело в том, что в указе Синода сказано, что в это учебное заведение могут быть приняты ученики в возрасте от 13 до 20 лет. Когда в 1737 г. из присланных в академию дворянских детей 73 человека оказались моложе 12 лет, по указу императрицы их отправили обратно, пообещав принять позже, по достижении ими 12 лет⁴. Возможно, в нём увидели большие способности и поэтому решили нарушить общепринятый распорядок. Успехи будущего профессора были так велики, что уже через два года (вместо четырёх положенных) в 1806 г. он был переведён в следующий класс (пиитики), а ещё через год — в класс риторики. Необходимо заметить, что очень редко кто мог освоить какой-либо класс всего за один год, обычно их проходили за несколько лет.

Во время обучения в Славяно-греко-латинской академии Пётр с большим увлечением посещал лекции по физике П. И. Страхова в Московском университете. Впоследствии оказалось, что эти занятия оченьгодились Петру Спиридоновичу, поскольку именно ему пришлось преподавать в Московской духовной академии физику (и даже обустроить при Академии физический кабинет). Они живо отложились в его памяти, и он позднее о них неоднократно вспоминал. Добавим

3 Дубинский А. Ю. Делицын Пётр Спиридонович // ПЭ. М., 2006. Т. 14. С. 357.

4 Смирнов С. К. История московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 179.

к этому ещё тот факт, что в самой Академии занятий по физике не было и, таким образом, именно эти посещения Университета вольнослушателем смогли сформировать в Петре Делицыне тот костяк знаний, который пригодился ему в дальнейшем.

В 1814 г. Пётр окончил курс богословских наук в Славяно-греко-латинской академии, пройдя всё обучение за 10 лет — необычайно короткий срок, показывающий его незаурядные способности и прилежание, ведь обычно срок обучения составлял от 12–13 до 20 лет⁵. По окончании обучения, он поступил в открытую в том же году Московскую духовную академию, где проучился четыре года со своим будущим сослуживцем Ф. А. Голубинским. Впоследствии их связала очень тесная дружба. Вот что отмечает об этой дружбе С. С. Глаголев в своих воспоминаниях о Феодоре Александровиче: «Часы досуга проходили у него или в обществе любимой семьи, или в обществе близких друзей. Таким особенно был для него профессор протоиерей Делицын. Вместе с ним он учился в Академии, вместе они были оставлены при ней, вместе служили в цензурном комитете, даже и священниками они числились при одном московском Вознесенском монастыре. Много у них было общих забот и интересов. "Собирались мы, — говорил Пётр Спиридонович Делицын, поспориться с Фёдором Александровичем, да так и не собрались"»⁶.

Учёба в Московской духовной академии

В Московской духовной академии П. С. Делицын открыл для себя удивительную премудрость математической науки, которая впоследствии в значительной степени отразилась на его преподавательской карьере. По математике его преподавателями были: сначала В. И. Кутневич (ставший впоследствии главным священником армии и флота), потом А. Е. Покровский (будущий протоиерей московского придворного Верхоспасского собора)⁷. «Все они были из учеников

5 Тимофеева Н. В. Роль Славяно-греко-латинской академии в формировании системы высшего образования в России XVII–XIX вв. // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. № 4. С. 36.

6 Глаголев С. С. Протоиерей Федор Александрович Голубинский (его жизнь и деятельность). Сергиев Посад, 1898. С. 10.

7 Здесь и далее сведения о математических занятиях П. С. Делицына приводятся по изданию: Голубинский Д. Ф. Воспоминания о математических занятиях профессора протоиерея Петра Спиридоновича Делицына. М., 1864.

С. Е. Гурьева, который отличался строгой верностью главному требованию науки — основать математические положения на прочных началах, верностью, которой он превосходил даже лучших, известных по своим открытиям в высшей математике, геометров. Понятно, что лучшие из учеников Гурьева усвоили себе его строгий взгляд на основания науки и, сами став преподавателями математики в Московской духовной академии, преподавая её людям возрастным, особенно старались в своих лекциях быть верными вытекающему из сущности науки методу философскому, то есть такому, при котором одни положения последовательным строго логическим путём выводятся из предыдущих, которые, в свою очередь, опираются уже на самых требованиях нашего мышления»⁸. По окончании курса, сам сделавшись преподавателем математики, он показал себя с самого начала уже значительно подготовленным к предмету преподавания. Потому, хотя Пётр Спиридонович и не имел в математике больших предварительных познаний, но, начав слушать её в Московской духовной академии, «встретил однако же в ней что-то знакомое для себя, то есть встретил приложение к частным случаям тех требований мышления, которые уже были ясны для его светлого и точного ума, и давно знакомы ему, как получившему ещё прежде философское образование»⁹.

Занятия философией

Первый преподаватель математики в Московской духовной академии — Василий Иванович Кутневич смог заинтересовать Петра Спиридоновича Делицына философией. В. И. Кутневич, помимо математики, читал также введение в философию, логику, опытную психологию и историю философии¹⁰, проявляя интерес к современной, прежде всего немецкой, философии. Он выписал для академической библиотеки произведения Канта, Якоби, Фихте, Шеллинга. И в самих лекциях Кутневича заметна близость к философии Канта: в понимании задач философии, призванной объяснить мир субъекта, мир объектов и их общую первопричину (это соответствует целям теоретического разума у Канта), в утверждении, что лишь априорные понятия делают возможным опыт и т. п. Как отмечали впоследствии сами студенты,

8 Голубинский Д. Ф. Воспоминания о математических занятиях. С. 2.

9 Там же. С. 4.

10 Коцюба В. И. Философская тематика на собраниях первого студенческого общества Московской духовной академии // Вестник РГГУ. 2011. № 15 (77). С. 241.

лекции Кутневича пробудили у них живой интерес к философии. Можно предположить, что опосредованно, наряду с другими причинами, под влиянием занятий Кутневича, у ряда студентов первого выпуска Академии возникло желание организовать “учёное общество” наподобие уже существовавших в то время при различных университетах и академиях студенческих сообществ»¹¹. В числе студентов, организовавших в 1816 г. при Московской духовной академии такое студенческое философское общество, получившее название «Учёные беседы», был и Пётр Спиридонович Делицын. «След зрелого философского образования остался и в дальнейшем в его лекциях по математике»¹².

Мы видим, что дело образования не ограничивалось для Петра Делицына одним лишь специальным изучением математики, которое, заметим, имело обширное влияние на развитие в нём строго логического ума. Он не чужд был интересам знания и в других областях: кроме математики, его занимало всё, что выходило замечательного в области богословских, философских и словесных наук. Он не остановился на тех сведениях по этим наукам, которые собрал на студенческой скамье. Следя постоянно за ходом учебной литературы, он обогатил себя обширными и разнообразными сведениями. В молодые годы, когда Пётр Спиридонович имел более свободного времени, он занимался переводами из классиков и лучших новых писателей. После него остались в рукописи переводы из Платона, Вергилия (вся «Энеида» стихами), Тацита («Анналы»), Тита Ливия, Плавта, Терентия, Гёте («Эгмонт»), Шиллера («Валленштейн»), Иделера (руководство к изучению хронологии); а также совместных переводов с Ф. А. Голубинским — Канта («Критика чистого разума»), Бутервека («Эстетика»), Теннемана («История философии»). Этот перечень показывает, как интересовали его лучшие произведения классической и учёной литературы. Незаметно, чтобы он предназначал эти переводы для издания в свет: побуждением к ним было стремление к самообразованию.

Преподаватель математики

Поскольку дело преподавания математики в Московской духовной академии начиналось с геометрии, то и сам Пётр Спиридонович впоследствии в своих лекциях держался этой последовательности и порой

11 Там же.

12 Голубинский Д. Ф. Воспоминания о математических занятиях. С. 5.

сводил различные алгебраические задачи и теоремы к геометрическим примерам и аналогиям¹³. Когда же Делицын был студентом Академии, «самая теория пропорциональности величин, которая во многих курсах геометрически заимствуется из алгебры, выведена была из начал чисто геометрических»¹⁴. В качестве учебника использовалась «Геометрия» С. Е. Гурьева. «Наставления учителя так крепко ложились в уме Петра Спиридоновича, что, выслушав лекцию, он вполне обнимал и усвоял её, так что не имел нужды заглядывать в учебник для повторения или справок. Такой восприимчивостью он отличался от других своих даровитых товарищей и обращал на себя особенное внимание наставника. Но по причине перемены в первом курсе наставников, встретились затруднения в преподавании математики, и Пётр Спиридонович на младшем курсе не мог ознакомиться со всеми науками, входившими в её состав, а потому и перешедши на старший академический курс, на котором преподаются уже богословские науки, он, усердно занимаясь ими, кроме того продолжал, с дозволения начальства, ходить на математические лекции, и, особенно, старался ознакомиться с дифференциальным и интегральным исчислениями; при окончании полного курса учения, на публичном экзамене он, отвечая по богословским предметам, отвечал и по математике. Желая с полной отчётливостью усвоить себе предмет, особенно при изучении высшей математики, Пётр Спиридонович не ограничивался только слушанием лекций, но входил в частные сношения с А. Е. Покровским для дальнейшего разъяснения себе математических положений»¹⁵.

В 1818 г. Пётр Спиридонович окончил курс Академии первым по списку, получив степень магистра богословия, и был оставлен бакалавром физико-математических наук. Через два года, в 1820 г., «за прилежное прохождение должности и преуспевание в познаниях», он определён членом академической конференции и получил одобрение от Комиссии духовных училищ. В 1822 г., после четырёх лет службы, он был возведён в звание ординарного профессора математических наук, хотя ему ещё не было и тридцати лет. Как было отмечено выше, с ранних пор открылась у Делицына привязанность к этой отрасли знаний, и теперь он мог уже полностью отдаться математической науке.

13 Подробнее о преподавании математики в МДА см. статью: *Лисица А. Ю.* Математика в Московской духовной академии // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1998. М., 1999. С. 368–372.

14 *Голубинский Д. Ф.* Воспоминания о математических занятиях. С. 2.

15 Там же.

Кроме чистой математики, Пётр Спиридонович занимался физикой, механикой, астрономией и пасхалией. В это время он пишет пособия по интегральному исчислению, «обширный трактат об аналитическом определении кривых линий и поверхностей, руководства по механике, математической географии, а также переводы из сочинений П. С. Лапласа, И. Ньютона и других. Делицыну принадлежат неопубликованное исследование об определении дня Пасхи в Православной и Католической Церквях, неоконченная статья о времяисчислении у евреев»¹⁶. Он также составил «полные курсы алгебры и тригонометрии»¹⁷. «Озабочен был Пётр Спиридонович устройством в академии физического кабинета», ведь «до 1826 г. физического кабинета при Московской духовной академии, можно сказать, не было»¹⁸. Именно стараниями Петра Спиридоновича для Академии было приобретено физических инструментов на 931 рубль ассигнациями. Несмотря на поддержку митрополита Филарета, «приобретение физических инструментов сопровождалось большими затруднениями. Возражения против покупки нередко шли сверху»¹⁹. Но несмотря ни на что, благодаря Делицыну «академический кабинет по физике принял довольно приличный вид»²⁰.

Чтобы увидеть, какое отношение имели познания Петра Спиридоновича к его преподаванию в классе и как основательно было самое преподавание, войдём в некоторые подробности об этом предмете. С самого начала Академии в ней преподавался почти полный курс математики. На волю студентов предоставлялось избирать изучение или математических, или исторических наук. В первые десять лет службы (1818–1828) Пётр Спиридонович один преподавал не только математику, но также механику и физику. С 1828 г. ему назначили помощника — бакалавра по классу математических наук, которому предоставлялась физика и ещё какая-нибудь из математических наук — алгебра или геометрия, тогда как другую из этих наук, а также и дальнейшие части математики, преподавал сам профессор.

Так обстояло дело до 1844 г., пока не произошли две большие перемены: начальством было отменено преподавание высшей

16 Дубинский А. Ю. Делицын. С. 357.

17 Толстой М. В. Хранилище моей памяти. Кн. 1. М., 1891. С. 155.

18 Глаголев Г. Протоиерей Пётр Спиридонович Делицын // Памяти почивших наставников. Сергиев Посад, 1914. С. 6.

19 Там же.

20 Там же. С. 7.

математики, также студентам запретили выбирать между изучением математических и исторических наук — теперь студентам Академии нужно было слушать в обязательном порядке оба курса. В последние девятнадцать лет службы протоиерея Петра преподавание элементарной геометрии было постоянно поручаемо бакалавру, а сам Делицын преподавал алгебру, тригонометрию (плоскую и сферическую) и отчасти аналитическую геометрию. Кроме того, он излагал теорию проекций. Лекции Петра Спиридоновича отличались глубиной и последовательностью. Он заботился не только о том, чтобы поделиться со студентами математическими познаниями, но и о том, чтобы студенты самостоятельно настолько освоились и углубились в математической науке, что смогли стать в ней, если можно так сказать, «хозяевами». А потому даже те из студентов, которые поступили в Академию с довольно обширными познаниями в математике, на первых же лекциях Петра Спиридоновича, где им разъясняли ещё только основные понятия и положения математические, с удивлением обнаружили, как много существует новых сторон в самых простых понятиях, казавшихся им прежде очень хорошо известными и не требующими дальнейшего разъяснения. Тем самым они убеждались в недостаточности своих прежних познаний; вместе с тем они и привыкали гораздо глубже смотреть на изучаемый ими предмет. Мало того, на внимательных слушателях Петра Спиридоновича заметно обнаруживалось то, как его лекции способствовали развитию их разума и мыслительных способностей. Это видно было из тех особенностей, какие замечались в их письменных упражнениях, сравнительно с их товарищами, а также из их собственных наблюдений над переменой в общей настроенности хода своего мышления; наблюдений, приводивших их к сознанию, что в этом отношении они много обязаны математическим лекциям Петра Спиридоновича. Вникая тщательно во все стороны того или другого математического положения, Делицын не любил оставлять в нём даже малейшей, но в существе дела важной черты неразъяснённой или недоказанной; он избегал опущений в посредствующих членах какого-либо сложного вывода, а равно и всяких других опущений, которые нередко встречаются в курсах математики под предлогом (иногда очень неосновательным) очевидности того или другого положения, поэтому его лекции отличались строгостью выводов и доказательств. «В преподавании Делицын отличался отчётливостью изложения, строгим порядком, логическою последовательностью и связью. Сверх того, одно из достоинств его преподавания — это способность упростить

решение сложных и трудных задач математики, искусство облегчать слушателям усвоение цельной операции в ходе решения того или другого вопроса, искусство вести их внимание, ничем не отвлекая, к результату выкладок, нередко продолжительных»²¹. Как свидетельствуют ученики Петра Спиридоновича, Делицын «был отличный преподаватель, говорил так просто, ясно и отчётливо, что всякий без труда понимал и усваивал его лекции»²².

«Вместе с тем в лекциях Делицына с особой тщательностью выполнялось другое общепризнанное (но в разных курсах математики далеко не в совершенстве выполняемое) требование последовательности и порядка. В его лекциях переходы от одних положений к другим были так естественны и связь между предыдущим и последующим была так прочна, что слушатели имели много случаев удивляться той постепенности, с какой они идут вперёд. Переходя к дальнейшим отделам науки, они всё больше и больше видели, с каким благоразумием поставлены были предыдущие положения науки, которые, в дальнейших отделах её, как бы сами собой повторяясь, крепко закреплялись и надолго оставались в их уме. При такой основательности лекций Петра Спиридоновича, когда дело доходило до какого-нибудь многосложного отдела математики, внимательные слушатели с радостью и удивлением обнаруживали, до какой степени простым и ясным становится для них казавшееся прежде трудным и многосложным, как оно является для них как бы плодом их собственного мышления, при условии, конечно, если они до того внимательно выслушали на лекциях весь предшествовавший материал.

Излагая математическую науку почти с самых первых основ её пред людьми уже взрослыми, уже с довольно развитым умом, профессор имел больше возможности углубиться в основания науки, раскрыть глубже внутреннюю логическую связь между её истинами, нежели чем в случае преподавания её людям юным в средних учебных заведениях. Этим отчасти уже определялся характер лекций Петра Спиридоновича.

Выше мы обозначили, что Пётр Спиридонович нередко прибегал к геометрическим объяснениям при решении алгебраических задач. Расскажем поподробнее о его методе преподавания. Профессор Делицын на самых первых своих лекциях обыкновенно с подробностью и обстоятельностью предлагал главные понятия о величинах, о их сравнении, о величинах кратных и частных, соразмерных и несоизмерных;

21 Толстой М. В. Хранилище моей памяти. С. 155–156.

22 У Троицы в Академии. С. 73–74.

потом указывал на соотношение между величинами и на возможность выразить это соотношение в случае соразмерности числом, а в случае и соразмерности и несоизмеримости — прямой линией.

Далее он переходил к исследованию свойств величин пропорциональных, ограничиваясь только теми положениями, какие строго логическим путём могли быть доказаны на основании предыдущих сведений о величинах. После всего этого он переходил уже к алгебре и к первым алгебраическим действиям: сложению, вычитанию, умножению и делению. При этом можно было заметить, с какою ясностью и отчётливостью он излагал понятие о величинах отрицательных, которое обычно было так запутано в некоторых курсах алгебры. Умножение и деление, благодаря геометрической системе объяснения, являлись у него совершенно в ином свете, чем в традиционных в то время алгебраических учебниках: пользуясь понятиями о величинах пропорциональных, предложенными прежде, он на основании этих понятий объяснял и саму сущность умножения и деления и доказывал частные теоремы, относящиеся к этим действиям. Благодаря этому, профессор с большим успехом избегал многих неточностей, которые в общепринятых курсах алгебры сделались столь обыкновенными, что их вообще перестали замечать. В самом деле, известно, что в алгебре умножение и деление производятся над всякими величинами, а из этих величин некоторые (например, корни — квадратные и прочие) несоизмеримы с единицей; несмотря на это говорят при этом об умножении, что произведение во столько-то раз больше или меньше множимого; что множитель во столько-то раз больше или меньше единицы. Но спрашивается: если множитель с единицей несоизмерим, то что значат тогда слова: “во столько-то раз больше или меньше единицы?” Как же в этом случае можно выразить отношение между произведением и множимым, когда они не имеют общей меры? На эти простые вопросы обыкновенно не даётся никакого ответа в курсах алгебры. Напротив того, в лекциях Петра Спиридоновича всё это отчётливо и просто изъяснялось при помощи изображения прямыми линиями произведения, множителей и единицы, и отношения между ними»²³. Другой пример: известно, что от перестановки множителей произведение не изменяется, или, выражаясь математически: $a*b=b*a$. Хотя это правило никем не оспаривалось, Пётр Спиридонович считал необходимым не оставлять и этого положения без доказательств, применяя столь любимую им геометрическую систему объяснения.

23 Голубинский Д. Ф. Воспоминания о математических занятиях. С. 9.

Делицын был известен как преподаватель очень отзывчивый на вопросы и помощь; он также старался изъяснять студентам, помимо общей программы, и различные новые научные изобретения, и теории (например, он давал обширный комментарий об устройстве маятника Фуко). Математические и физические знания также помогали Петру Спиридоновичу в естественнонаучной апологетике. Если где-то появлялись какие-либо богоборческие мысли у естествоиспытателей, современных ему, он легко мог дать на их вызовы вполне ёмкий и ясный ответ. «Пётр Спиридонович преподавал, не пользуясь никаким конспектом»²⁴, а тем студентам, которые проявляли интерес к предмету, он давал тетради со своими записями, хотя свои труды и наработки он нигде не публиковал. «Нужно было видеть, — пишет в своих воспоминаниях профессор Д. Ф. Голубинский, — с какой любовью Пётр Спиридонович принимал студентов, приходивших к нему за решением своих недоумений по части математики: иной, получив от него ответ на словах, думал, что этим дело окончилось, но через некоторое время профессор призывает его, и студент видит на столе незабвенного профессора вычисления, сделанные им по поводу предложенного вопроса»²⁵.

Делицын был очень добрым преподавателем и старался никогда не наказывать тех, кому его предмет был неинтересен. Поэтому иногда случалось так, что студенты переставали слушать профессора, «знатока математики, и отлично, ясно, последовательно и основательно читавшего математику... слушали только два студента: Потапов и Краснин — по научению... Е. В. Амфитеатрова — ради того, чтобы по рекомендации П. С. Делицына, столпа Академии, которому не осмеливаются отказывать, попасть в первый разряд... и потом быть выпущенными из Академии магистром»²⁶. Доброта проявлялась и на экзаменах в Академии, в том числе и тогда, когда он принимал экзамены по богословским дисциплинам: «На экзаменах у нас он (П. С.) не столько нас слушал, сколько говорил сам, и мы с жадностью слушали его глубокомысленные объяснения самых трудных богословских вопросов и ясные толкования недоуменных мест из Священного Писания... При весьма благодушном отношении к нам добрейшего экзаменатора отца протоиерея Петра Спиридоновича, прикрывавшего наше не очень

24 *Глаголев Г.* Протоиерей Пётр. С. 5.

25 У Троицы в Академии. С. 75.

26 Там же. С. 135.

удовлетворительные богословские познания своими беседами на экзаменах, они у нас прошли благополучно»²⁷.

Делицын был профессором математики в течение сорока пяти лет. Однако он неизвестен математикам. С его именем не связана никакая теорема, даже никакой учебный курс (он их написал, но не напечатал²⁸). «В то суровое время не спешили придавать тиснению написанного. Да и были ли у него средства к напечатанию? Профессора академии жили «худостно, нищенски, сиротски». Мог ли он рассчитывать на успех издания? Сомнительно... Кто знает, может быть, он и открыл, и создал что-либо, но это осталось неведомым миру. Скромны были профессора старой академии и не спешили сообщать *urbī et orbī* о том, до чего они дошли собственным умом»²⁹. «Везде, где работал и служил Пётр Спиридонович, он был правилом веры и верности; он учил, как работать, и своим примером, и своим методом. Скромный, честный, серьёзный, осторожный и трудолюбивый, он представляет собою глубоко поучительный образ человека веры и знания»³⁰. «Если и в будущем профессора Академии будут ходить путями, которыми ходил Делицын в прошедшем, Академия принесет много пользы Церкви и человечеству»³¹.

Преподаватель французского языка

Пётр Спиридонович был специалистом не только в естественных, но и в гуманитарных науках, поэтому в 1818–1820 гг. на него было возложено преподавание немецкого языка, а в 1820–1822 гг., а также с 1833 по 1860 г. — французского, которое он продолжал до тех пор,

27 Там же. С. 112.

28 Вот список неизданных трудов П. С. Делицына, хранящихся в рукописных фондах РГБ: «Полный курс алгебры и тригонометрии», «Об аналитическом определении кривых линий и поверхностей» (обширный труд), «Руководство к механике», «Руководство к математической географии», «Исследование об определении дня Пасхи»; переводы из классиков и лучших новых писателей — «Эгмонт» Гете, «Валленштейн» Шиллера, «Критика чистого разума» Канта, «Эстетика» Бутервека, «История философии» Теннемана, «Руководство к изучению хронологии» Иделера, переводы из Платона, Вергилия (вся «Энеида» в стихах), Тацита («Анналы»), Тита Ливия, Плавта, Терентия и др. (Приводится по: Русский биографический словарь. Т. 6: Дабелов-Дядьковский. СПб., 1905. С. 192).

29 *Глаголев Г.* Протоиерей Пётр. С. 10.

30 Там же. С. 11.

31 [Б. а.] Протоиерей Пётр Спиридонович Делицын, как переводчик и редактор переводов святоотеческих творений // Памяти почивших наставников. С. 13.

пока не был уволен по собственному прошению. При этом, из уважения к его долговременной отличной и усердной службе, Высочайшим соизволением был утверждён доклад Священного Синода о назначении ему ежегодного пособия по 429 руб. серебром к получаемому им жалованию, пока он будет состоять на духовно-училищной службе³². В 1833 г., вместе с назначением на должность преподавателя французского языка, Пётр Спиридонович был рукоположен во священника к московскому Вознесенскому девичьему монастырю, оставаясь при этом на службе в Академии. По воспоминанию протоиерея Н. И. Надеждина, «несмотря на прекрасное владение самим языком, его преподавательская деятельность на ниве филологии не задалась; читал он по-французски “чуть ли не хуже” последнего из студентов, поэтому при нём знание студентами французского языка “не только не прибавилось, но чуть ли не уменьшилось”, так как он (П. С.) никогда ни единым словом не касался грамматики. Однако переводить с французского мы навыкли больше и довольно ознакомились с разными оборотами языка. Чтоб облегчить наши занятия, но вместе и ознакомить больше с языком, он придумал следующий способ: каждому из нас назначил для домашнего перевода по большой статье из Богословского словаря Бержье, с тем чтобы все эти переводы были ему поданы для просмотра, а в классе переводил с нами историю Боссюэта, причём обыкновенно занимался только с одним каким-нибудь студентом, по очереди, а прочие только слушали, но так как он скоро заметил, что это слушание наводило на нас скуку, вследствие чего студенты начали являться в класс не в полном числе, то он столько был любезен и снисходителен к нашей лености, что дозволил приходить в класс только двоим по очереди, из которых каждый по получасу, прочитав несколько строк французского текста, переводил прочитанное на русский, а он только лишь поправлял слова и выражения»³³.

Цензура и редакция духовных книг

В 1829 г. Пётр Спиридонович был назначен секретарём в Московском Комитете цензуры духовных книг, где с 1836 г. он был определён постоянным его членом, и в этой должности Делицын состоял до самой смерти и был известен как цензор по всей России. Немало времени

32 Дубинский А. Ю. Делицын. С. 357.

33 У Троицы в Академии. С. 73.

посвящал протоиерей Пётр Делицын работе по цензуре духовных книг, которых рассмотрено им великое-превеликое множество. Пётр Спиридонович «нередко... обстоятельно исправлял, а иногда до основания переделывал сочинения и переводы»³⁴. Помимо этого, в 1837 г. он стал также и членом строительного комитета при Московской духовной академии (ему, как знатоку начертательной геометрии, поручаются различные проектировочные работы), а в 1849 г. — членом внутреннего и внешнего академического правления.

Поскольку Делицын пользовался огромным авторитетом среди академической корпорации, а также уважением святителя Московского Филарета (Дроздова), с ним часто советовались по различным административным и научным вопросам. «Как член Комитета для цензуры духовных книг, Делицын был цензором строгим и осторожным. Он не тратил времени на исправление безграмотных брошюр и рисунков, представляемых книгопродавцами, но тотчас же возвращал их, требуя исправления. Тогда книжники обращались к студентам Академии; последние, исправляя ошибки, получали полезную для них, хотя и небольшую плату, а достоцитимый цензор сохранял время, нужное ему для других, более важных трудов»³⁵. И. К. Смирнов шутил, что Пётр Спиридонович поправлял «не только творения святых отцов, но даже и самого митрополита Филарета... относительно сочинений Филарета ходил слух, что Пётр Спиридонович, цензурируя новое издание проповедей Филарета, наложил свою руку и зачеркнул начало известной проповеди в Великий Пяток: «Чего вы, слушатели, ожидаете от служителей Слова? Нет более слова. Собезначальное Слово Отцу и Духу погребено, запечатлено...» — как игру слов, недостойную ни высокого предмета, ни великого дня, ни церковной кафедры. Митрополит Филарет согласился с таким приговором Петра Спиридоновича, но просил оставить это слово не обезглавленным, так как оно вошло-де с таким началом во все хрестоматии...»³⁶.

В 1841 г. Делицын становится членом редакционного комитета и возводится в сан протоиерея. Высшее духовное начальство поручает протоиерею Петру Делицыну обозрение семинарий, состоящих в ведении Московского духовно-учебного округа: Рязанской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Тульской и Вифанской. В отзывах о состоянии обозреваемых им семинарий ясно отпечатлелся его характер.

34 Там же. С. 98.

35 Толстой М. В. Хранилище моей памяти. С. 157–158.

36 У Троицы в Академии. С. 135.

Он имел мягкое сердце и с большим почтением относился к стараниям и трудам наставников и воспитанников. Его нрав был лишён крайностей: он не был слишком мягок, но и не был слишком суров; можно сказать, что он был более милостив, нежели строг. При необходимости сделать кому-то замечания, он старался их говорить с тихостью и кротостью, без какой-либо гневливости и озлобления. Именно такие сердца достигали сердец людей, подвигали их к исправлению; и доньне те, кого они касались, поминают его добрым словом. Ценил его заслуги для Академии, начальство оказывало ему внимание неоднократными наградами. Он был награждён камилавкой, наперстным крестом, орденами Святой Анны второй степени с Императорской короной и Святого Владимира третьей степени.

Переводы святоотеческих текстов

Но главным делом жизни Петра Спиридоновича стала не административная работа и даже не преподавательская деятельность. Главным его служением, на которое его поставил Господь, являлись перевод и редакция переводов святоотеческих текстов на русский язык. В 1841 г. Пётр Спиридонович был утверждён в должности члена Комитета по изданию творений святых отцов в русском переводе, причём соратники называли его «высокопочтеннейшим отцом всех книг, нами издаваемых»³⁷. С 1843 г. до конца жизни он трудился преимущественно над редактированием творений святых отцов в русском переводе³⁸. В течение двадцати лет этот труд занимал большую часть его времени; и должно признаться, что при трудности и видимом однообразии подобных занятий, которым посвящал он более десяти часов в сутки (!), во всё время не только не заметно в нем было охлаждения к труду, но, напротив, постоянно усиливалось его учёное рвение. Занятия творениями святых отцов, можно сказать, были его насущною пищей, без которой, при временном перерыве дела, он скучал³⁹. Под его редакцией в течение двадцати лет изданы были в свет: творения свв.

37 Там же. С. 467.

38 О переводах святоотеческих творений в Московской Духовной Академии см.: *Дионисий (Шлёнов), игум.* Периодические издания МДА в дореволюционный период: Творения святых отцов в русском переводе // *Московской духовной академии 325 лет: Юб. сб. ст. в 2-х т. Т. 1. Кн. 2: История МДА. 1685–1995. М., 2010. С. 141–147.*

39 См.: *Корсунский И. Н.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской духовной академии. Сергиев Посад, 1894. С. 63–64.

Григория Богослова, Василия Великого, Ефрема Сирина, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Макария Египетского, Нила Синайского, Исидора Пелусиота, Исаака Сирина, Иоанна Лествичника, блж. Феодорита, пять томов сочинений свт. Григория Нисского и один том Епифания Кипрского — всего сорок два тома! Нужно отметить, что Пётр Спиридонович также принимал участие и в переводе Священного Писания (той части Нового Завета, над которым работала Московская духовная академия) на литературный русский язык. «Труд громадный, — скажем словами автора некролога почившего протоиерея, — труд драгоценный для Церкви Православной! Это незыблемый, несокрушимый памятник его учёного трудолюбия, его глубокого терпения. Русь Святая! Читая творения Отцов, поминай имя отца Петра, любителя Отцов»⁴⁰.

Как бы предчувствуя своё предназначение, профессор протоиерей П. С. Делицын рано возлюбил творения отеческие. Первым трудом его по этой части был перевод одного из творений свт. Григория Нисского, которое он избрал как более трудное по составу языка. Потом, ещё до открытия проекта перевода творений святых отцов, он занимался переводом бесед свт. Иоанна Златоуста на Послание к римлянам (перевод этот напечатан по определению Святейшего Синода в 1839 г.). В 1844 г. напечатан перевод «Точного изложения православной веры» прп. Иоанна Дамаскина, в создании которого протоиерей П. С. Делицын принимал участие вместе с членами цензурного комитета.

В переводах протоиерея Петра видна его особенная заботливость о точности и отчётливости в передаче смысла писаний отеческих. При издании творений свт. Василия Великого, прп. Нила Синайского (Анкирского), свт. Григория Нисского, для удостоверения в правильности чтения и для исправления ошибок греческих изданий, он обращался к греческим рукописям Московской Синодальной библиотеки. При редактировании переводов слов прп. Исаака Сирина, прп. Иоанна Лествичника он тщательно сверял русский перевод с разными списками древних славянских версий, которые, по своей точности, иногда не уступали греческому оригиналу. Когда нужно было повторять издание некоторых отеческих творений, он подвергал перевод новому тщательному пересмотру. «Если желание близости перевода к подлинному тексту и заставляло иногда покойного редактора жертвовать чистотой языка и плавностью речи; зато он надеялся доставить своим переводам высшее достоинство — точность. Желая приблизиться к духу отцов,

40 У Троицы в Академии. С. 112.

он старался передавать их речь словами и оборотами, вполне соответствовавшими строю греческого языка; оттого, при невозможности найти в общеупотребительном русском языке слова со значением, равносильным речи греческой, у него по необходимости являлись в переводах славянизмы и термины, заимствованные из языка церковного. Вследствие такой необходимости, для передачи известных слов и выражений греческих, он составил, можно сказать, свою терминологию, которая была плодом долгого размышления и внимательного изучения духа творений отеческих»⁴¹.

Понятное дело, что каждый из святых писателей имел какие-либо особые условные термины, особо любимые обороты и речевые конструкции. Всё это было необходимо досконально изучить, для того чтобы речь отцов в переводе сохраняла свои особенности, чтобы перевод одного отца не был похож на другого. «Конечно, труд редактора вдвойне облегчился бы, если бы он захотел идти по следам французских парафразов, то есть вместо одного отеческого слова употреблять два, три и более, рассекать греческие периоды, нередко длинные, на несколько отдельных периодов и внести в перевод элементы лёгкого языка, употребительного в области мирских сочинений. Но это злоупотребление строгою и важною речью святых отцов всегда казалось редактору посягательством на искажение самого смысла творений отеческих, неуважением к дорогому наследию, завещанному ими Православной Церкви»⁴². По отзыву И. Н. Корсунского, «нужна великая осторожность, чтобы с большею или меньшею смелостью подвергать критике перевод Петра Спиридоновича. Злоупотребление строгою и важною речью святых отцов П. С. Делицын считал посягательством на искажение самого смысла святоотеческих творений, неуважением к дорогому наследию, завещанному святыми отцами Православной Церкви»⁴³.

Для того чтобы лучше уяснить значение переводческого труда Петра Спиридоновича, в качестве приложения к настоящей статье прилагаются выдержки о П. С. Делицыне из сочинения И. Н. Корсунского «К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской духовной академии»⁴⁴, опубликованного в 1894 г. и ставшего в настоящее время библиографической редкостью.

41 Толстой М. В. Хранилище моей памяти. С. 156.

42 Там же.

43 Корсунский И. Н. К истории изучения. С. 51.

44 Корсунский И. Н. Указ. соч.

При многих трудах, при многих учёных поручениях, которые возлагало на него начальство академическое, прибегая к его совету и учёному содействию во многих случаях, требовавших строгого обсуждения, протоиерей П. С. Делицын мало имел времени заниматься оригинальными сочинениями. В печати из его сочинений мы имеем только девять поучений, произнесённых им в разное время. Они напечатаны в «Прибавлениях к творениям святых отцов». Это Слова: в день Петра и Павла, два Слова в день памяти прп. Сергия, два Слова в Великий Пяток, два Слова в день Пятидесятницы, в день Благовещения Пресвятой Богородицы, в Неделю Ваий⁴⁵. Легко заметить в языке этих поучений, что он выработался под влиянием писаний отеческих, которые оставили на нём ясные следы; и конструкция речи, и обороты, и красноречие — всё это как будто взято у отцов древней вселенской Церкви.

Личные качества

В отношении личных качеств Пётр Спиридонович представлял собой образ человека, исполненного глубокого благочестия; благочестия, сокрытого им, как жемчужина, в тайнике своего сердца, благочестия, не знавшего лицемерия и тщеславия. Даже если он находился далеко от храма, которого был настоятелем, и не имел обязанностей приходского священника, он был счастлив, если ему предлагали послужить где-либо в будние дни (в дни воскресные и праздничные он совершал служение в храмах Лавры с собором академической братии). Нередко протоиерей Пётр служил в приходском храме Илии Пророка в Сергиевом Посаде вместо настоятеля этого храма, если последний был в отсутствии или в болезненном состоянии. И здесь-то, в этой церкви, в дни будние имевшей довольно мало прихожан, во время священнослужения можно было увидеть слезы умиления, исходившие

45 Слово в день св. Апостол Петра и Павла // Прибавления к ТСО. 1852. Ч. 11. С. 633–643; Слово в день памяти прп. Сергия // Прибавления к ТСО. 1856. Ч. 15. С. 460–469; Слово в Великий Пяток // Прибавления к ТСО. 1857. Ч. 16. С. 116–128; Размышление в день Пятидесятницы // Прибавления к ТСО. 1857. Ч. 16. С. 279–285; Слово в Великий Пяток // Прибавления к ТСО. 1858. Ч. 17. С. 150–161; Слово в день памяти прп. Сергия // Прибавления к ТСО. 1859. Ч. 18. С. 348–358; Слово в день Благовещения Пресвятыя Богородицы // Прибавления к ТСО. 1860. Ч. 19. С. 74–82; Слово в неделю Ваи // Прибавления к ТСО. 1860. Ч. 19. С. 83–94; Слово в день Пятидесятницы // Прибавления к ТСО. 1862. Ч. 21. С. 159–164. См. также: *Делицын П., прот.* Слова: 1–25. М., 1864.

из его глаз. Глубина благоговения и благочестия была в нём так сильна, что всё противное благочестию глубоко тревожило и беспокоило его. Пётр Спиридонович не скрывал своего негодования, если замечал в беседах с кем-нибудь признаки неуважения к требованиям религии, если слышал от кого-нибудь легкомысленные суждения о православной вере. В подобных случаях он выходил из обычного спокойствия духа и не щадил вольномыслия, поражая его тяжеловесным словом обвинения. «Одно из великих достоинств старой Академии заключалось в том, что Академия боялась праздного слова. Профессоры предпочитали молчать, чем говорить сомнительные вещи. Речи неосторожные, речи легкомысленные, безусловно, не допускались»⁴⁶.

Другим важным свойством его нрава было непременное благодушие, спокойствие и довольство своим уделом. Это свойство происходило из его внутренней твёрдости и цельности, из его поразительно твёрдой воли, из глубоко осознанного и прочувствованного им положения в обществе. Среди трудностей и радостей семейных, и среди кропотливой кабинетной работы, и среди своих сослуживцев и сподвижников в Академии он везде оставался верен себе, всегда благодушествовал. Несмотря на все перемены в окружающем обществе, при всём том, что многие его ученики сподобились быть предстоятелями на кафедрах святительских, он всегда спокойно нёс скромный жребий служения, порученного ему Господом. Наконец, было и ещё одно прекрасное свойство в его характере — удивительное радушие, простота и ласковость в обхождении. Когда его ученики приходили к нему на дом, он отлагал учительский тон и беседовал с ними по-отечески просто и добро. И для выпускников у него находился непосредственно тёплый и родственный приём, причём он старался никогда не ставить себя выше своих учеников. А кто из его учеников не испытал его Авраамова гостеприимства? Это удивительное благородное качество имело в нём достойного представителя. Он был звеном, крепко связывавшим всё учёное Троицкое братство. «Как человек, Пётр Спиридонович был великий хлебосол, и квартира его постоянно была открыта для всех, желавших приятно провести вечер, поиграть в карты, к которым он сам имел склонность, и весело поболтать, особенно со старшим сыном его, Петром Петровичем, великим смехотворцем и говоруном, который был наставником Вифанской духовной семинарии и жил при отце»⁴⁷. «Отлично владея русским языком, Пётр Спиридонович имел большую

46 Протоиерей Пётр Спиридонович Делицын, как переводчик. С. 13.

47 Голубинский Е. Е. Воспоминания. Кострома, 2017. С. 24–25.

способность к стихотворству; он написал оду на приезд в Лавру Императора Николая после его коронации»⁴⁸.

Домашняя жизнь его протекала тихо и скромно. Он не любил входить в мелкие житейские заботы, чужд был изысканности в пище и одежде. С того времени, как в 1853 г. он овдовел, попечения об удовлетворении его житейских потребностей взяли на себя его дети, поэтому он, как и прежде, оказался свободен от суетных попечений. Распорядок жизни у него сохранялся строгий, спал он мало, вставал непременно до рассвета: в зимнее время в 5 часов, в летнее — в 4, и тотчас принимался за работу. Спать же ложился только в 11 часов.

Конец жизни и смерть

В последние годы Пётр Спиридонович очень хотел дожить до 50-летнего юбилея Академии, но Промысл Божий судил иначе: скоротечная болезнь оборвала труды профессора на 69 году жизни. Служба протоиерея Петра при Академии продолжалась сорок пять лет. Вот что вспоминает о нём академик Е. Е. Голубинский⁴⁹: «В наше время Пётр Спиридонович представлял из себя высокого тучного старика, тяжело волочившего ноги... Как ни придёшь, бывало, к нему, он сидит в кабинете на своем страшно просиженном диване и поправляет переводы. В переводах иных наставников Пётр Спиридонович не оставлял живого слова»⁵⁰. Священник И. Артоболевский вспоминает: «Умер Пётр Спиридонович буквально как воин, “на своем посту”: последняя его лекция была 24-го октября 1863 г., а через месяц с небольшим (30-го ноября) его уже не стало»⁵¹. А так пишет о последних днях Петра Спиридоновича его ученик, архиепископ Савва (Тихомиров), викарий Московской епархии: «В конце 1863 г. профессору стало совсем тяжко. В конце октября он провёл последнюю лекцию... 7 ноября ректор Академии прот. А. В. Горский пишет: “Старец наш Пётр Спиридонович очень недугует. Давно уже гнездящаяся в теле его водяная болезнь начинает одолевать его организм. По свидетельству доктора, она есть уже и в груди. И наша медицина в недоумении пред решительными мерами. Ей нужно более опытности, более авторитета”»⁵².

48 Толстой М. В. Хранилище моей памяти. С. 157.

49 Голубинский Е. Е. Воспоминания. Кострома, 2017. С. 24–25.

50 Там же.

51 У Троицы в Академии. С. 75.

52 Савва (Тихомиров), архиеп. Хроника моей жизни. Сергиев Посад, 1901. Т. 3. С. 103.

Несмотря на старания облегчить болезнь доктора медицины Осипа Васильевича Варвинского⁵³, 30 ноября профессор скончался в шестом часу, накануне соборовавшись и причастившись⁵⁴.

Отпевание отца Петра было совершено в Трапезной церкви Троицкой лавры нарочито прибывшим из Москвы архиепископом Саввой (Тихомировым) в сослужении братии Лавры и Академии. Протоиерей Пётр был похоронен за алтарём Успенского собора Лавры. На памятнике над могилой были выбиты слова Псалтири: *Твой есмь аз, яко оправданий Твоих взысках* (Пс. 118, 94). У отца Петра остались три сына: Пётр (стал преподавателем Вифанской духовной семинарии), Димитрий (стал магистром Московской духовной академии и священником московской Воскресенской церкви в Барашах) и Василий (стал диаконом московской Успенской церкви в Кожевниках). По воспоминаниям современников, его дети «отличались необыкновенной простотой ума и благодушием в обращении, безобидной остротой ума в разговоре и по внешнему виду походили на отца по своей тучности и отсутствию всякой галантности в одежде и светскости в приёмах; зато во всех, имевших к ним какое-либо отношение, и особенно в товарищах, они возбуждали любовь и доверие⁵⁵.

Приложение

Корсунский И. Н.

К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской духовной академии (выдержки, касающиеся жизни и трудов протоиерея П. С. Делицына)⁵⁶

В 1828 г. сам митрополит Филарет, уже как архипастырь, которому была подчинена Московская духовная академия, по обозрении сей последней, дал такое предложение Академическому Правлению: «Хорошо было бы классу языка, кроме словесного испытания, представлять к курсу какой-нибудь, хотя небольшой, готовый перевод, сделанный в продолжении курса, хотя, впрочем, это не обязанность». Это предложение, несмотря на ограничение его обязательности

53 Там же. С. 104.

54 Там же. С. 110.

55 У Троицы в Академии. С. 135.

56 Приводятся по изданию: *Корсунский И. Н.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной Академии. Сергиев Посад, 1894. С. 9–11, 40–72. Текст приведен в соответствие с нормами современной орфографии.

последними словами, возымело полную силу действия, и уже с 1830 г. значительное число переводных трудов было представлено на благо-рассмотрение митрополита Филарета; из них некоторые были одобрены святителем и напечатаны. В 1835 г. архимандрит Филарет (Гумилевский, будущий архиепископ Черниговский), будучи ректором МДА, возымел желание создать журнал «Творения Святых Отцов в русском переводе», но проект был на время отложен. В 1840 г. выпускник МДА архимандрит Никодим (Казанцев, будущий епископ Енисейский) в исполнение поручения обер-прокурора Священного Синода графа Н. А. Протасова составил проект издания перевода святых отцов. Этот архимандрит считал, что «только с того времени, как русские богословы будут читать святых отцов на русском языке, можно ожидать, что они будут самостоятельные и зрелые богословы и не будут зависеть от латинских, немецких, французских и английских богословов и богословий». Сначала проект не был одобрен, но уже через два года начали в МДА переводить свт. Григория Богослова, а в СПбДА историков: Евсевия, Сократа, Созомена, а потом свт. Иоанна Златоустого. Но нужно отметить, что СПбДА уже с 1821 г. издавала «Христианское чтение», где помещались святоотеческие переводы, в том числе и тружеников МДА. В 1843 г. началось издание «Творений святых отцов в русском переводе».

Пётр Делицын все четыре года в Московской духовной академии учился с отличным успехом, при выпуске в 1818 г. обнаружив этот успех пред лицом ревизора, ректора СПбДА, епископа Ревельского Филарета, впоследствии митрополита Московского⁵⁷. Ввиду отличных его успехов, он в списках поставлен был первым магистром и прямо оставлен при Академии бакалавром физико-математических наук и немецкого языка⁵⁸.

Уже в 1820 г., то есть через два только года службы его при Академии, тот же ревизор, преосвященный Филарет, в то время архиепископ Тверской, отзывался о нём в следующих словах: «Очень способен и прилежен; духа доброго; в познаниях возрастает благопоспешно». Вследствие такого отзыва П. С. Делицыну тогда же изъявлено было одобрение от Комиссии духовных училищ, и он определён был членом академической конференции, несмотря на молодость лет своих; а в 1822 г., не будучи ещё и тридцати лет, он возведён был прямо в

57 См.: *Филарет (Дроздов), свт.* Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. СПб., 1885. Т. 1. С. 409, 411, 413.

58 Там же. Т. 1. С. 423.

звание ординарного профессора. С таким же одобрением и в дальнейшем время проходил он свою академическую службу. Отзыв свт. Филарета от 1838 года: «Предметами своими занимался усердно. Наставник основательный и полезный. Достоин награждения. Поведения доброго»⁵⁹.

В 1834–1838 гг. по поручению Священного Синода переводит толкование свт. Иоанна Златоуста на Послание к римлянам. В 1838 г. перевод представлен на рецензию митрополиту Филарету, но из-за критики⁶⁰ и необходимых правок он был издан лишь в 1839 г. В 1938 г. вышел указ Синода перевести «Точное изложение православной веры» прп. Иоанна Дамаскина. Совместно с ректором Вифанской семинарии, архимандритом Агапитом и профессором МДА протоиереем Ф. А. Голубинским и некоторыми другими преподавателями, П. С. Делицын представил перевод на рецензию в 1840 г. После замечаний митрополита Филарета перевод был исправлен и издан лишь в 1844 г. Такими переводными работами П. С. Делицын был вполне подготовлен к известному уже нам великому переводному труду Московской духовной академии, который начал выходить в свет с 1843 г. и в котором П. С. Делицын до конца жизни принимал наибольшую долю участия как переводом, так и редакцией переводов других лиц; труду, который стал для него дорогим, жизненным делом и на котором он мало-помалу так изощрился под постоянным наблюдающим взором митрополита Филарета, что этот труд Московской духовной академии, доставивший ей самое почётное имя, как замечательный и величественный по обширности замысла и выполнения литературный памятник, как плод основательного изучения греческого языка и его словесности, есть по преимуществу труд П. С. Делицына, памятник его способностей и трудолюбия. Это сознавали и с глубоким уважением к Петру Спиридоновичу признавали все в Академии. Хорошо знал и целил это также сам митрополит Филарет. В разных архивных бумагах Академии, особенно же в архиве редакции академического журнала, так же как и в печатных данных, мы находим весьма многие, вполне ясные и неопровержимые доказательства этого, так что после изложенного нами раньше начала истории дела «Творений святых отцов в русском переводе», издаваемых при Московской духовной академии, вся дальнейшая история того же дела тесно, неразрывно связывается

59 Там же. Т. 2. С. 419.

60 Например, свт. Филарет так критиковал одно место Петра Спиридоновича: «(Вы пишете:) В приступе (к посланию). (Но) приступ бывает к городу, а к посланию вступление...».

с именем Петра Спиридоновича вплоть до самой кончины последнего.

Поэтому же неудивительно, что когда в течение двадцати лет с лишком несший, можно сказать, почти на одних своих могучих плечах всё бремя издания «Творений святых отцов в русском переводе» отец П. С. Делицын в 1863 г. скончался, тогда Академия была в великом затруднении относительно дела, которое он вёл по этому изданию. «Кончина Петра Спиридоновича, — писал под живым впечатлением этой кончины профессор Московской духовной академии П. С. Казанский, — образует значительную пустоту в Академии. Ректор (прот. А. В. Горский) не возьмётся читать переводы, а кроме него некому»⁶¹. И сам ректор Академии, по поводу запроса митрополита Филарета о последствиях «потери», которую «Академия понесла в отце протоиерее Петре», отвечал ему письмом от 16 декабря того же 1863 г., в котором также свидетельствовал: «Кончина о. протоиерея Петра Спиридоновича отняла много силы у Академии. Что делал он один по Комитету для перевода творений отеческих, то нужным оказывается разложить на двоих»⁶².

В чём же состояли труды П. С. Делицына по делу перевода творений отеческих? Кратко мы уже отвечали раньше на этот вопрос: в переводе и редакции переводов других лиц. Войдём теперь в необходимые подробности по этому делу. Уже на первых порах существования академического журнала определилась особенная часть труда Петра Спиридоновича по делу издания этого журнала, именно та самая, которую мы оказали в ответе на поставленный вопрос об этом. Другие члены академической корпорации, кроме той или другой, правда, нередко и очень значительной, доли перевода святоотеческих творений, трудились над оригинальными сочинениями для помещения в этом издании и, стало быть, имели досуг на то; а Пётр Спиридонович почти исключительно только работал над переводной частью, или сам переводя, или исправляя переводы других, — и всем сразу стало понятно, что его работа в этом отношении драгоценна, его услуга делу с этой стороны незаменима. Успех академического издания на первых же порах, превзошёл все ожидания. В первый год издания, то есть в 1843 г., потребовалось выпустить в свет целых три издания академического журнала, и все эти издания не только вполне окупались, но и дали избыток прихода над расходом, так что оказалось возможным дать

61 Православное обозрение. 1883. Вып. 2. С. 521.

62 Это были проф. В. Д. Кудрявцев († 1891) и проф. Ф. А. Сергиевский († 1884).

гораздо большее вознаграждение трудившимся, нежели сколько предполагалось вначале. Для распределения суммы этого вознаграждения между трудившимися председатель редакционного комитета, ректор Академии архимандрит Евсевий поручил секретарю (М. И. Салмину) в декабре 1843 г. собрать мнения членов комитета с предложением всю означенную сумму, и именно сумму вознаграждения редакторов собственно (сотрудникам вознаграждение предложено было полистное, за лист перевода по 15 рублей, независимо от дополнительного вознаграждения, которое полагалось по разделении суммы прибыли от издания), разделить на восемь с половиной частей, из коих три части выделить председателю комитета за чтение переводов и оригинальных статей и вообще за руководство всем ходом дел редакции; отцу протоиерею Петру Спиридоновичу, «за преимущественное заведывание переводной частью издания, а равно и за участие в пересматривании оригинальных статей» — две части; другим переводчикам и редакторам — оставшиеся две с половиной части⁶³.

На это требование мнения и предложения протоиерей Ф. А. Голубинский дал мнение следующего содержания: «Ежели полагать, что исправление переводов из Григория Богослова вчетверо труднее перечитывания прибавлений и переводов уже исправленных, где требуются немногие замечания, то, приняв в соображение число страниц, как исправленных тщательно, так и перечитанных каждым членом, найдём, что исправлено и перечитано отцом ректором 125 страниц (по уменьшению вчетверо числа страниц перечитанных), отцом инспектором 22 страницы, Петром Спиридоновичем 296 страниц, Александром Васильевичем 125 страниц и Феодором Голубинским 72 страницы. Следовательно, кажется, справедливо было бы положить на долю... Петра Спиридоновича — четыре из восьми». Иначе сказать, предоставляя относительно себя и других членов редакционного комитета установить пропорцию вознаграждения самому же комитету, относительно Петра Спиридоновича Фёдор Александрович прямо устанавливает эту пропорцию на половину из всего числа частей суммы вознаграждения — так ценил он труды его. Несколько позже, как видно из журналов редакционного комитета, для П. С. Делицына установилась даже ещё большая доля вознаграждения, так что вся сумма сего вознаграждения, помимо по листной платы, делалась на четырнадцать

63 Прот. Ф. А. Голубинскому, архим. Евгению и проф. А. В. Горскому — по 1 ½, 1 и 1 части соответственно.

равных частей, из коих на долю ректора приходились четыре части, а на долю Петра Спиридоновича — пять частей.

Епископ Рижский Филарет (Гумилевский) так отозвался о работе Петра Спиридоновича в письме А. В. Горскому: «Язык чист; формула Петра Спиридоновича делает своё дело. Vivat!» Постоянное стремление к тому, чтобы, с одной стороны, избежать «площадных», по словам митрополита Филарета, выражений «Библиотеки для чтения» О. И. Сенковского и возвысить речь перевода до высоты речи подлинника, а с другой, соблюсти верность подлиннику, мало-помалу выработало у П. С. Делицына особый тип переводного языка, который, при наблюдении чистоты современного русского языка, не чуждался, когда то бывало нужно, архаизмов: слов, терминов и оборотов речи, заимствованных из языка церковно-славянского и древнерусского, а иногда употребляемых в местных народных говорах и вошедших в памятники отечественной словесности (например, «скомлить» вместо «неясно говорить», «бормотать» и пр.), но зато чуждался иностранных слов в речи. Точность перевода есть главное качество, которое П. С. Делицын старался наблюдать прежде всего и более всего, и ради неё, когда в том оказывалась необходимая нужда, он без всякого колебания жертвовал даже плавностью речи. Когда нельзя было с буквальной точностью перевести то или другое место творений святоотеческих, тогда, следуя вышеприведённому правилу митрополита Филарета, он старался уловить, по крайней мере, основную идею, мысль святого отца и по ней устроить перевод. Отсюда второе качество в типе переводного языка его и вместе его достоинство — ясность. Ради точности и ясности он иногда жертвовал даже чистотой языка, которую также, как мы замечали, всемерно наблюдал.

Но и этого мало. Он не хотел быть переводчиком механическим. Желая приблизиться к духу святых отцов, он старался передавать их речь словами и оборотами, вполне соответствовавшими их собственному течению, строю и характеру мыслей, а с другой — строю и особенностям греческого языка. Вследствие такого старания и долговременным опытом практики перевода и редакции он составил для передачи известных слов и выражений греческих свою русскую переводную терминологию, которая была плодом долгого размышления и внимательного изучения творений отеческих.

Известно, что у каждого из святых отцов есть свои условные термины, свои любимые обороты, свои особенности в конструкции речи. Все эти отличительные особенности, все эти тонкости нужно было

уловить и изучить, дабы передать их в переводе так, чтобы речь каждого отца сохранила свой типический характер, чтобы слово одного отца не было похоже на слово другого (в этом отношении, по словам самого Петра Спиридоновича, например, свт. Григория Богослова было труднее переводить, нежели блаженного Феодорита и т.п.). Это великая заслуга, и чтобы её оценить, нужно со всею тщательностью и не механически только или отрывочно сличить перевод с подлинником. Конечно, и П. С. Делицын, при всей великости этой заслуги, при всех своих достоинствах, как человек, не был свободен от погрешностей и недоразумений относительно некоторых частных передач греческих слов и оборотов речи на русском. Но при его настойчивости, постоянстве и сосредоточенности в труде, при глубокой, летами приобретённой опытности такие случаи вообще редки, и нужна великая осторожность, чтобы с большею или меньшею смелостью подвергать критике его перевод. Разве только какие-либо новые открытия в области подлинных греческих текстов могут служить к тому твёрдым основанием. Самособой разумеется, что труд Петра Спиридоновича как переводчика и редактора вдвойне облегчился бы, если бы он захотел идти по следам иностранных, особенно французских парафразов, то есть вместо одного слова подлинника употреблять два, три и более, без особенной нужды рассекать периоды греческой речи на несколько отдельных периодов и вносить в перевод стихи лёгкого языка речи фельетонной. Но это злоупотребление строгой и важной речью святых отцов П. С. Делицын считал посягательством на искажение самого смысла святоотеческих творений, неуважением к дорогому наследию, завещанному святыми отцами Православной Церкви.

Так перевод был производим и мало-помалу, под наблюдающим взором митрополита Филарета всё более и более усовершенствуем общими силами многих и при этом недюжинных умов, особенно же усилиями ума Петра Спиридоновича, который, как преимущественно заведовавший переводною частью академического журнала, из опытов предшествующего составлял как бы сборник правил перевода для будущего. Правила эти по времени так окрепли в его руках, что все переводы других лиц в сущности становились его переводами: так сильно в большинстве случаев изменял их по-своему Пётр Спиридонович. И мы сами слышали от старожиллов академической корпорации (например, от Е. В. Амфитеатрова) признание, что бывало иногда чем более тщательно стараешься перевести с греческого тот или другой, данный для перевода отрывок, тем более исправит и изменит его по-своему

Пётр Спиридонович. (Конечно, так бывало только «иногда». Многие переводчики легче применялись к строгим требованиям Петра Спиридоновича.) Даже собственные переводы Пётр Спиридонович, в видах наибольшей тщательности производства столь важного дела, сильно и многократно изменял.

Первый том Творений (1843 г. издания) имел очень большой успех. В рецензии некоего анонимного автора, скрывшего себя за буквами «С-ий», написано, в частности, следующее: «Издание совмещает в себе с качествами издания периодического достоинства учёной книги. Это издание не забудется, как забываются обыкновенные журналы. Интерес его не временный; напротив, передавая нам негибнущую древность, оно само прейдет к отдалённым временам и всегда будет нужным и для богослова, и вообще для учёного. Должно желать и можно надеяться, что творения отцов в настоящем переводе будут в употреблении и у простого народа. В этом особенное достоинство издания, что оно приносит не насущную только пищу любопытству, пищу, вкусную только на нынешний день, которая завтра потеряет свежесть и зачерствеет, а заключает в себе нетленный запас духовной пищи, годной и нужной во всякое время. Это достоинство издания зависит сколько от свойства своего главного содержания, столько и от того, что передаёт творения отцов не в отрывках, а в целостности, и со временем более или менее осуществит своё главное название (т.е. «Творения святых отцов в русском переводе») и будет заключать в себе полное собрание творений святых отцов. В последнем отношении это издание имеет очевидное преимущество и перед журналами духовными, которые выдаются у нас. Оно, особенно когда достигнет некоторой полноты, будет необходимостью каждой учёной библиотеки. Издание святых отцов — труд сколько полезный, столько же благородный и бескорыстный. Вот вы имеете прекрасную книгу: а от кого вы получили её? Этого вам не скажет сама книга. Таково свойство истинной учёности, что она в высшей степени скромна, и таков всякий благородный труд, что хочет быть полезным только другим, без всяких корыстных видов для самого себя».

Наконец, о достоинстве самого перевода рецензент говорит: «Перевод творений святых отцов, удерживая верность подлинника, соблюдает и требования правильного и чистого русского языка. Знающие греческий язык пусть сверят небольшое первое слово св. Григория с подлинником: они увидят и трудности, какие нужно преодолевать, и искусство, с каким выполнены трудные требования правильного

перевода⁶⁴. С этой стороны издание заслуживает не только одобрения, но и удивления и благодарности. Перевод, сколько верен с подлинником, столько свободен и естественен, так что не видно ни малейшего принуждения русской речи»⁶⁵.

Интересно, что к этому столько светлomu отзыву был добавлен и отзыв издателя «Москвитянина» (М. П. Погодина), где он, среди прочего, заметил: «Переводу сочинений св. Григория Богослова мы пожелали бы более теплоты, жизни, если можно так выразиться», однако тут же добавляет: «Первое слово переведено отлично»⁶⁶. По поводу первой половины замечания, о недостатке «теплоты, жизни» в переводе, святитель Филарет, митрополит Московский, близко принимавший к сердцу академическое издание и с живостью следивший за всем его касавшимся, от 7 марта 1844 г. писал, конечно вполне основательно, к председателю редакционного комитета, ректору Академии архимандриту Евсевию: «Слышите ли, что говорит о вашем издании “Москвитянин”?.. В переводе, говорит, не довольно теплоты и жизни. Этого я не довольно понимаю, как теплота и жизнь могут быть принадлежностями именно перевода, а не сочинения. Если нет теплоты и жизни в сочинении: как даст их перевод? Для сего надобно не переводить, а пересочинять. Если же теплота и жизнь есть в сочинении, а в переводе их нет, то перевод должен быть неверен или что-нибудь подобное. В таком случае там и говори и доказывай, а не бросай в ближнего неопределенные укоризны: мало теплоты, мало жизни»⁶⁷.

Перевод творений свт. Григория делался по греческому тексту в издании Библия, а в распорядке этих творений следовали Бенедиктинскому изданию Клемансета. Тогда ещё не было полного издания Миня (это издание только началось с 1844 г.), и член редакционного комитета А. В. Горский, бывший библиотекарем Академии, тогда же начал выписывать это издание на счёт редакционных сумм, но этого издания вышло тогда только 12 томов, и до творений свт. Григория (вышедших в 1857 г.) было ещё далеко.

Интересно отметить, что весь пятый том творений свт. Григория Богослова Пётр Спиридонович перевел единолично, за что он, по определению редакционного комитета, получил, кроме денежного вознаграждения полистной платы (по 15 руб.), в дар десять экземпляров этой пятой части.

64 См.: Корсунский И. Н. К истории изучения. Приложение. С. I–XXXVII.

65 Москвитянин. 1844. Вып. 2. Ч. 1. С. 620–623.

66 Там же. С. 624.

67 Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1882. Вып. 3. С. 277–278.

«В течение двадцати с лишком лет, при ближайшем и деятельнейшем участии П. С. Делицына, вышло целых сорок шесть томов (а если считать творения св. Ефрема Сирина в первом их издании, то сорок восемь томов) святоотеческих творений в русском переводе. Труд громадный сам по себе и драгоценный для Церкви Русской Православной! Это поистине незыблемый, несокрушимый памятник ученого трудолюбия Петра Спиридоновича и его великого терпения; это труд, продолжительное занятие которым в не совсем обыкновенном положении тела послужило причиною некоторого искривления позвоночного столба у Петра Спиридоновича (он занимался обыкновенно полулёжа на диване в своём кабинете в казённом доме, что за садом монастырским, и от этого весь его стан покосился на один бок), но который зато доставил обильный и сладкий плод для читателей и почитателей святоотеческих творений на необъятной просторности Руси православной. Занятия творениями святых отцов, которым Пётр Спиридонович посвящал от десяти до одиннадцати часов в сутки (вставая в пять утра, Пётр Спиридонович всё утреннее время до обеда, когда не было у него лекций, посвящал переводной части Творений, а часто (если кто-либо не приходил к нему или если какое-либо другое занятие не отвлекало его) ею занимался и вечером, после обеда и кратковременного отдыха), мало-помалу сделались его насущной потребностью, духовной пищей, без которой, при временном перерыве дела, он скучал (даже за несколько дней до кончины своей, когда ему запрещено было заниматься умственными работами, он с заботливостью относился к этому делу, спрашивал приходивших навещать его наставников Академии, у которых на руках были переводы святоотеческих творений, готовы ли их доли перевода, и несмотря на запрещения врачей, в отсутствие сыновей удерживавших его от занятий во время его предсмертной болезни, исправлял некоторые части перевода), и которая, можно сказать, проникла всё его существо. Его собственные проповеди⁶⁸ стали воплощать в себе дух святоотеческих творений, и этим сердечно утешались такие великие проповедники, как сам святитель Московский Филарет (так, по рассказам В. Д. Кудрявцева, в 1857 г., митрополит Филарет, прочитав проповедь Петра Спиридоновича на Великий Пяток, произнесённую ещё в 1848 г., но тогда не просмотренную митрополитом, когда явился в Лавру, при всех выразил отцу протоиерею свою благодарность за эту проповедь).

68 Изданы: *Делицын П. С. Слова покойного протоиерея Петра Спиридоновича Делицына, профессора Московской Духовной Академии. М., 1864.*

Пётр Спиридонович нередко, в переводе и редакции переводов, не ограничивался одними печатными изданиями греческих подлинников, а обращался и к греческим рукописям Московской Синодальной библиотеки, для удостоверения в правильности чтения и для исправления ошибок печатных изданий. При переводе Слов прп. Исаака Сирина и прп. Исаака Лествичника Пётр Спиридонович пользовался также различными списками древних славянских переводов, которые, по своей точности, могли заменять собой греческие списки. Кроме того, ради тщательности дела перевода святоотеческих творений вообще он обращался и к старинным печатным церковнославянским и русским переводам этих творений, которые высоко ценил свт. Филарет. Не пренебрегал Пётр Спиридонович, как само собой разумеется, и новыми переводами; но все эти переводы, в видах улучшения их, он считал, проверял и исправлял по греческим подлинникам, иначе сказать, почти заново переводил. Бывало и так, что в рукописи не оставалось не только ни одной страницы, но и ни одной почти строки, которая осталась бы неисправленной рукой Петра Спиридоновича.

В Академии высоко ценили Петра Спиридоновича и называли его *Pater*, без добавления его собственного имени, так как всякому было известно, к кому относится это название, и который, как патриарх академической семьи, был образцом для неё в разных отношениях: в высоте и твёрдости убеждений, в искренности благочестия, в неутомимой деятельности.

Когда преставился Делицын, свт. Филарет написал обер-прокурору А. П. Ахматову: «В Московской академии недавно преклонился древний столп — первый магистр первого курса её, принадлежавший ей в продолжение сорока девяти лет, — протоиерей Делицын скончался»⁶⁹. Да, это был подлинно столп, вместе с другими столпами поддерживавший здание Московской духовной академии так долго и с такой силой, крепостью, никогда не искавший своей личной славы, но зато прославивший Академию славою, которая никогда не умрёт, ибо касается не скоро текущего и скоро исчезающего, но непреходящего и вечного. В самом деле, если мы припомним, на какой низкой ступени стояло во времена Петра Спиридоновича вообще изучение греческого языка и его словесности в наших отечественных светских учебных заведениях...

69 *Филарет (Дроздов), свт.* Письма митрополита Филарета к высочайшим особам и другим лицам. Тверь, 1888. Т. 2. С. 214.

Мы вчера⁷⁰ поминали почивших начальников, наставников и воспитанников нашей Академии, нашей *almae matris*, поминали, конечно, и тех, которые потрудились в переводе святоотеческих творений. Эти труженики были наставниками тех или других, не всегда и духовных предметов в Академии. Своими переводными трудами они вводят и нас, и всякого православного русского, читающего святоотеческие творения или внимающие чтению их, в дух этих творений, и в весь объём премудрости, в них заключающейся: в тайны веры Христовой, победившей мир, в глубины облагодатствованного познания, обнимающего собой небесное, земное и преисподнее, прошедшее, настоящее и будущее, Божественное, человеческое и относящееся до всей природы вне человека (физическое), духовное и светское (мирское), — в тайники мира нравственного и нравственной деятельности, как, наконец, и в таинственную, но всегда отрадную и вожделенную область христианских чаяний, — в эту христианскую обетованную землю... Поэтому да не мимоидет и в отношении к нашим наставникам слово святого апостола: *Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие, иже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их* (Евр. 13, 7). Будем доброй и, особенно, молитвенной памятью памятовать наших почивших наставников, доставших нам возможность читать на вразумительном для нас языке творения истинных, наилучших служителей, выразителей и толкователей вечно действенного слова Божия и подражать вере их, храня их священные заветы и добрые предания, продолжая их святое дело, а доселе здравствующим из трудившихся и трудящихся в том же деле пожелаем жить и в том же духе действовать «многая лета»».

Библиография

- Глаголев С. С. Протоиерей Фёдор Александрович Голубинский (его жизнь и деятельность). Сергиев Посад: 2-я Типография А. И. Снегирёвой, 1898.
- Голубинский Д. Ф. Воспоминания о математических занятиях профессора протоиерея Петра Спиридоновича Делицына. М.: Типография В. Готье, 1864.
- Голубинский Е. Е. Воспоминания. Кострома: [б. и.], 2017 (переизд.: Кострома, 1923).
- Делицын П. С. // Русский биографический словарь / ред. А. А. Половцова. СПб.: Императорское историческое общество, 1905. Т. 6: Дабелов-Дядьковский. С. 192.

70 Все, излагаемое здесь, представляет собой речь, произнесенную на акте в Московской духовной академии 1 октября 1893 г. Накануне Акта бывает поминовение усопшей братии Академии.

- Дубинский А. Ю.* Делицын Пётр Спиридонович // ПЭ. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. Т. 14. С. 356–358.
- Корсунский И. Н.* К истории изучения греческого языка и его словесности в Московской Духовной Академии. Сергиев Посад: 2-я Типография А. И. Снегирёвой, 1894.
- Коцюба В. И.* Философская тематика на собраниях первого студенческого общества Московской духовной академии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2011. № 15 (77). С. 239–252.
- Памяти почивших наставников: издание Императорской Московской Духовной Академии ко дню её столетнего юбилея (1814 – 1 октября – 1914). Сергиев Посад: Типография И. И. Иванова, 1914.
- Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника моей жизни: Автобиографические записки высокопреосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Сергиев Посад: 2-я Типография А. И. Снегирёвой, 1901. Т. 3.
- Смирнов С. К.* История московской Славяно-греко-латинской академии. М.: Типография В. Готье, 1855.
- [*Смирнов С. К.*] Профессор Московской Духовной Академии, протоиерей Пётр Спиридонович Делицын: некролог. М.: Типография В. Готье, 1865.
- Тимофеева Н. В.* Роль Славяно-греко-латинской академии в формировании системы высшего образования в России XVII–XIX вв. // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. № 4. С. 35–39.
- Толстой М. В.* Хранилище моей памяти. М.: Унив. типография, 1891. Кн. 1.
- У Троицы в Академии. 1814–1914 гг.: Юбилейный сборник исторических материалов. М.: Издание бывших воспитанников МДА, 1914.

Archpriest Peter Delitsyn (16.06.1795 – 30.11.1863) – Translator and Mathematician

Hierodeacon Innokentii (Glazistov)

MA student of Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

dengla@gmail.com

For citation: Innokentii (Glazistov), hierodeacon. "Archpriest Peter Delitsyn (16.06.1795 – 30.11.1863) – Translator and Mathematician". *Metaphrast*, Vol. 1, no. 1, 2019, pp. 203–237. (In Russian) doi: 10.31802/2658-770X-2019-1-1-203-237

Abstract. This article examines the life and work of the great 19th-century academic, who worked for the Moscow Theological Academy, Archpriest Peter Spiridonovich Delitsyn. He made a significant contribution to the translation of patristic works into Russian. Particular attention is paid to the period of study of Archpriest P. S. Delitsyn at the MThA, where the A. discusses the features of methods of teaching mathematics and philosophy in the Academy. Based on the memoirs of professors, teachers and students of MThA and the works of Archpriest Peter related to the censorship of spiritual books the A. describes the implementation and editing of Russian translations of the works of holy fathers. As an appendix, excerpts from the study of I. N. Korsunsky on the history of Russian patristic translations in MThA are given.

Keywords: Moscow Theological Academy, Archpriest Peter Delitsyn, Russian translations of Holy Fathers, MThA professors.